

Американо-китайские торговые войны: экономика или геополитика?

© 2019

В.Е. Петровский

Спор между США и КНР по торгово-экономическим вопросам имеет давнюю историю. Однако сейчас стало ясно, что протекционистская политика Дональда Трампа контрастирует с последовательной позицией Китая в защиту свободной торговли, основанной на принципах ВТО. Вашингтон видит в Пекине главного стратегического конкурента и взял курс на долгосрочное противостояние с КНР во всех сферах, включая торгово-экономическую. Развязав торговую войну против Китая, США также стремятся ослабить неэкономическими методами растущего конкурента в сфере высоких технологий.

Ключевые слова: торгово-экономические отношения, правила и принципы ВТО, протекционизм, торговые войны, стратегическая конкуренция, диалектика соперничества и сотрудничества.

DOI: 10.31857/S013128120004638-2

Торговые переговоры все чаще используются как политический инструмент. Это первое, что приходит в голову, когда пытаешься понять, что происходило вокруг торговой войны, развязанной администрацией Д. Трампа против КНР. Конечно, геоэкономика и геополитика сильно взаимосвязаны, но допустимо ли использовать торговые переговоры как инструмент политического торга, и почему мы все чаще это наблюдаем?

Спор между США и КНР по торгово-экономическим вопросам имеет давнюю историю. Однако именно сейчас стало ясно, что протекционистская политика Дональда Трампа резко контрастирует с последовательной позицией Китая в защиту свободной торговли, основанной на принципах ВТО. Тезис о защите свободной торговли, выдвинутый Си Цзиньпином на Форуме Боао в апреле 2018 г., был сформулирован еще на XIX съезде КПК и озвучен на последнем форуме в Давосе.

Отсюда — примирительные фразы в заявлениях китайских представителей о том, что Китай не стремится к фиксации положительного торгового баланса и в целях стимулирования внутреннего потребления готов увеличить импорт, улучшать условия для инвестиций и доступ на финансово-страховые рынки.

Визит в США делегации во главе с вице-премьером Госсовета КНР Лю Хэ и последовавший визит министра финансов Соединённых Штатов Стивена Мнучина в Китай в мае 2018 г. завершились подписанием совместного коммюнике по торгово-экономическим консультациям. КНР и Соединённые Штаты согласились принять меры для сокращения американского торгового дефицита. Предполагалось, что, с одной стороны, за счет американских товаров и услуг будут удовлетворены запросы растущего потре-

ния в КНР, а с другой — в США будут создаваться рабочие места и предпосылки к экономическому росту.

Стороны договорились увеличить импорт американской сельскохозяйственной продукции и энергоносителей, а также определили области, в которых будут развивать сотрудничество, поощрять взаимные инвестиции и стремиться к созданию справедливой и конкурентной деловой среды. Также было решено продолжить консультации на высшем уровне по торгово-экономическим вопросам: такого формата нет между США и другими странами.

В июне 2018 г. Пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу «Китай и ВТО», чтобы предоставить отчет о выполнении Китаем своих обязательств в рамках организации, объяснить принципы, позицию, политику и предложения КНР в отношении многосторонней торговой системы, а также описать концепцию и план действий страны по продвижению политики реформ и открытости.

Этот документ, подводящий 30-летний итог усилиям Китая стать весомым участником системы мировой торговли, оказался особенно уместным именно в условиях американо-китайской торговой войны. В нем подчеркивается, что в последние годы всплеск антиглобалистских настроений в сочетании с ростом протекционизма создает серьезные вызовы для многосторонней торговой системы, ядром которой является ВТО. Это недвусмысленный намек на администрацию Д. Трампа, политика которой развязала торговые войны не только против КНР, но и против стран ЕС, Канады, Мексики и пр.

При этом в Белой книге приводятся весьма любопытные данные Американской торговой палаты в Китае, согласно которым около 60% опрошенных предприятий по-прежнему рассматривают КНР как одно из самых предпочтительных мест для инвестиций, а 74% предприятий — членов палаты намерены в 2018 г. увеличить инвестиции в китайскую экономику¹.

К лету 2018 г. возникло ощущение, что торговая война как минимум откладывается. Но затем последовало «летнее обострение». В июне 2018 г. Белый дом объявил, что США введут таможенные пошлины в размере 25% на импортируемые из Китая товары на сумму 50 млрд долл. Они должны были затронуть такие сферы, как аэрокосмическая промышленность, информационные и коммуникационные технологии, робототехника, промышленное оборудование, новые материалы и автомобилестроение.

Пекин ответил зеркально, установив 25-процентные пошлины для американских товаров на такую же сумму. В списке оказались 659 товаров, на 545 из которых повышенную пошлину предполагалось ввести с 6 июля 2018 г., для остальных срок ввода пошлин определен не был. Повышенные пошлины предполагалось наложить на сельхозтовары, морепродукты, автомобили, медицинское оборудование, товары химической промышленности.

В ответ Дональд Трамп поручил подготовить список китайских товаров на сумму 200 млрд долл. для возможного введения в их отношении дополнительных пошлин в 10%, если Китай будет и дальше поднимать пошлины на американскую продукцию.

Дональд Трамп также заявил, что планирует запретить китайским компаниям инвестировать в технологические фирмы в Соединённых Штатах, а также заблокировать дополнительный экспорт технологий США в Китай. И здесь возникает закономерный вопрос: а только ли экономическими мотивами обусловлены действия американской стороны? Нет ли у нее желания ослабить растущего конкурента в сфере высоких технологий неэкономическими методами?

В 2015 г. правительством КНР была подготовлена стратегия развития промышленности Made in China 2025 (MIC2025), предусматривающая приоритет развития производств с высокой добавленной стоимостью в области высоких технологий, включая увеличение до 40% от всех производимых товаров в КНР к 2020 г. и до 70% к 2025 г. произ-

водства деталей, компонентов и узлов в аэрокосмической отрасли, телекоммуникациях, генерации энергии и обрабатывающей промышленности.

MIC2025 была признана Советом по международным отношениям США «угрозой технологическому превосходству Америки», поскольку ставит американских производителей в неконкурентные условия. Утверждалось, что китайская сторона будет якобы принуждать иностранные компании передавать технологии взамен доступа на рынок КНР и сохранения условий ведения бизнеса в стране.

Разъяснения китайской стороны о том, что MIC2025 не является дискриминационной стратегией и не ставит целью вытеснения американских производителей из высокотехнологичных отраслей, а также о том, что Китай никогда не желал присвоения технологий, а, напротив, ищет сотрудничества с американскими компаниями, обладающими самыми передовыми технологиями, которые могли бы помочь на взаимовыгодных условиях развитию китайской экономики, — попросту не были услышаны.

Похоже, в США неправильно восприняли заявленные ключевые показатели MIC2025 по импортозамещению (40% и 70%). Это не обязательные, а индикативные цели — ориентиры, которые используются для стратегического планирования всеми странами мира, включая самих американцев (программа «Национальная информационная инфраструктура» при президенте Клинтоне или программа удвоения экспорта при президенте Обаме).

Нелишне еще раз подчеркнуть: суть китайского ответа на ужесточение протекционизма не в так называемых контрмерах, а продолжении политики открытости и реформ. Экономическое возвышение Китая и законы рыночной экономики все расставят по своим местам.

В спорах с США китайская сторона была изначально настроена на компромисс, потому что ответное повышение пошлин лишь раскручивает механизм эскалации торгового конфликта. Китай на своем опыте (включая опыт экономических санкций после событий на Тяньаньмэнь) знает, что «повышение ставок», введение контрсанкций, ужесточение риторики и т. п. — вещь абсолютно бесперспективная. Кстати, России у Китая тут есть чему поучиться.

Здесь будет уместен экскурс в историю. В январе 2019 г. отмечали 40-летний юбилей официальных американо-китайских отношений, и об этом вспомнили прежде всего в Пекине. Глава Министерства иностранных дел КНР Ван И дал по этому поводу интервью, в котором изложил китайское видение опыта и уроков двусторонних отношений за прошедшие десятилетия.

Он, в частности, заявил, что опасение по поводу того, что сильный Китай может бросить вызов или заменить США, является «очень серьезным ошибочным стратегическим суждением». Министр также отметил, что в отношениях КНР с США, как и с другими странами, может быть конкуренция, но это должно быть «позитивное соперничество и соответствовать принципам конкуренции»².

У Вашингтона никогда не было проблем в отношениях со странами-сателлитами, небольшими и зависимыми от США государствами. А вот выстроить отношения с такими странами, как Китай или Россия, на основе уважения их национальных интересов всегда мешал принцип *America first*.

Это стало особенно очевидным после распада СССР, когда в Соединённых Штатах заговорили о «конце истории» и своем абсолютном мировом лидерстве. Однако США не выдержали испытания мнимой однополярностью, окончательно разучившись учитывать мнения и интересы других. Если ранее Соединённые Штаты так или иначе стремились доказывать свое глобальное лидерство, то сейчас они считают его некой данностью, с которой остальной мир должен просто смириться.

При этом США не успели заметить и осознать, как процесс мирного возвышения Китая, роста его экономических и политических возможностей в период открытости

и реформ изменил эту устоявшуюся картину мира. Постепенное превращение КНР в новую сверхдержаву (когда в шутку говорят, что «Китай еще не на первом месте в мире, но уже точно не на втором») воспринимается американской стороной с тревогой и озабоченностью, стремлением всячески «сдержать» опасного конкурента.

И речь здесь уже не идет о правилах честной конкуренции, в ход при необходимости пускается все: попытки добиться экономических преимуществ неэкономическими методами, санкционное давление, лицемерная правозащитная риторика и т.д., и т.п. И все это — на фоне беспрецедентной торгово-экономической взаимозависимости обеих держав, гигантского объема взаимного товарооборота.

Основоположник концепции «мягкой силы» Дж. Най говорил о том, что взаимозависимость — это не зло, а благо, если правильно ею воспользоваться. Однако, похоже, в Вашингтоне его не слышали, и теория о том, что экономическая взаимозависимость между США и КНР будет удерживать их от открытого конфликта, к сожалению, перестает срабатывать.

Вашингтон видит в Пекине главного стратегического конкурента и взял курс на долгосрочное противостояние с КНР во всех сферах. 4 октября 2018 г. вице-президент Майкл Пенс выступил в Гудзоновском институте с нагнетавшей речью, в которой сказал, что Пекин заинтересован в уходе Дональда Трампа с поста главы США и что китайское руководство якобы предпринимает беспрецедентные попытки повлиять на промежуточные ноябрьские выборы в Конгресс и очередную президентскую избирательную кампанию. При этом Пенс подчеркнул, что попытки китайцев повлиять на американское общество куда обширнее тех, что «предпринимали русские в 2016 году».

После этого и на фоне других американских попыток обвинить Китай во всех смертных грехах возникает закономерный вопрос: насколько серьезным является ухудшение американо-китайских отношений и как долго оно может продлиться?

Уже появились умеренно пессимистические прогнозы. Основатель Alibaba Group Джек Ма заявил, например, что торговая война между США и Китаем может затянуться на два десятилетия. Ма отметил, что сложившаяся между странами напряженность в торговле, скорее всего, очень быстро скажется на крупных китайских компаниях. Чтобы обойти торговые пошлины США, они будут вынуждены перевести свое производство в другие страны.

О серьезности и долгосрочности протекционистских намерений Вашингтона говорит и тот факт, что согласно одному из положений нового соглашения США, Мексики и Канады (USMCA), которое должно заменить Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), если какая-либо из трех стран USMCA заключит торговую сделку со «страной с нерыночной экономикой», две другие могут выйти из соглашения через шесть месяцев и заключить свою собственную двустороннюю торговую сделку.

Не сулит ничего хорошего и начавшаяся в США антикитайская кампания шпиономании. По данным Bloomberg (ничем не подтвержденным), китайские военные провели масштабную операцию кибершпионажа: они якобы оказывали давление на местных производителей серверного оборудования для американских компаний, заставляя устанавливать в материнские платы чипы «размером с зерно риса», способные перехватывать данные и по команде внедрять на серверы вредоносный код.

Но чтобы действительно попытаться понять, «насколько плохо» и «насколько долго» все это может быть, нужен еще один исторический экскурс. Кстати, сам Майкл Пенс попытался в своей речи провести его, заявив, что Китай играет «вдолгую» и за «100-летний марафон» сделал многое, чтобы получить имидж мировой державы.

А это означает, что Пекин с его многотысячелетней традицией стратегического мышления действительно умеет ждать и планировать свое развитие на долгосрочной основе. И если какой-либо партнер (в данном случае американский) попытается этому помешать, то в ход могут пойти самые разные меры: от терпеливых попыток договориться

до жесткого противодействия и готовности просто «переждать» неудобную американскую администрацию.

Кстати, М. Пенс в своей речи вспомнил о том, что можно просто «торпедировать» американо-китайские отношения, и дал понять, что Вашингтон не будет переступать «красную черту». Он, в частности, упомянул о том, что Соединённые Штаты будут и в дальнейшем придерживаться принципа «одного Китая», хотя политическая модель Тайваня представляется им более предпочтительной для китайского народа.

Что касается недавней истории, то американский вице-президент вспомнил события конца 1990-х, когда США всерьез рассчитывали на то, что в Китае после распада Советского Союза «свобода распространится во всех формах». Эти расчеты (включая срежиссированные из-за рубежа события на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г., которые явились первой в современной истории попыткой «цветной революции») не оправдались.

Китай сделал исторический выбор в пользу продолжения рыночных реформ при сохранении однопартийной системы для поддержания политической стабильности и предотвращения распада страны. Китайские руководители не стали приносить политическую стабильность и целостность страны в жертву требованиям ускоренной политической модернизации.

За этим последовали жесткие американские санкции, которые Китай сумел пережить и даже, несмотря на противодействие США, в ускоренном порядке и на своих условиях вступить в ВТО. А М. Пенс сожалел о том, что «Америка согласилась предоставить Пекину открытый доступ к нашей экономике и ввести Китай во Всемирную торговую организацию».

Если тогда попытки сдержать экономическое развитие Китая не удалось, то сейчас они тем более бесперспективны. Китай умеет ждать — его оппоненты могут выиграть битву, но едва ли им удастся выиграть войну. Это с большой долей вероятности означает, что нынешний период ухудшения двусторонних отношений может быть как сравнительно кратким (если в Вашингтоне осознают бесперспективность давления на Пекин), так и равным по продолжительности срокам пребывания администрации Д. Трампа у власти.

На этом фоне встречу председателя КНР Си Цзиньпина и президента США Трампа на полях саммита «двадцатки» 30 ноября — 1 декабря 2018 г. оценили как «временное торговое перемирие». Каждая из сторон дала свою интерпретацию результатов достигнутого. Дональд Трамп назвал свои отношения с Си Цзиньпином «невероятными» и представил результаты беседы с ним как выполнение американских условий: Вашингтон не будет с 1 января 2019 г. повышать пошлины на китайский импорт в объеме 200 млрд долл., а Пекин «существенно нарастит» закупки различных американских товаров.

Со своей стороны, председатель КНР сообщил, что главы двух государств достигли консенсуса о прекращении введения новых пошлин и поручили экономическим группам активизировать консультации для достижения конкретного и взаимовыгодного соглашения, направленного на снятие всех пошлин. Он подчеркнул, что китайская сторона готова открыть рынок, расширить импорт и содействовать смягчению соответствующих торгово-экономических противоречий между КНР и Соединёнными Штатами.

В частности, китайские власти согласились снизить или отменить пошлины на автомобили, ввозимые в Китай из США, которые достигают 40%. При этом официальный Пекин подчеркнул, что Китай в целом активно расширяет импорт (например, за счет проведения первой выставки China International Import Expo) в целях удовлетворения внутреннего спроса населения. А в итоговых документах саммита G20 отмечалось, что в течение 2018 г. за четыре раунда корректировок Китай снизил общий уровень тарифов с 9,8 до 7,5%³.

Из-за американо-китайской «торговой войны» продолжает лихорадить мировую экономику (по оценкам МВФ, из-за усиления торговой напряженности между двумя

странами к 2020 г. мировой ВВП может снизиться на 0,75%). При этом по-прежнему неразрешенными остаются ключевые разногласия Вашингтона и Пекина о будущем мировой торгово-экономической системы: лозунг Трампа *America first* коренным образом противоречит представлениям Пекина с его растущей экономической мощью о состоянии и перспективах системы международной торговли, основанной на центральной роли ВТО.

Достаточно вспомнить недавний саммит АТЭС в Папуа-Новой Гвинее, который не завершился подписанием традиционного итогового документа из-за неспособности американской и китайской делегаций согласовать соответствующие формулировки. Если американскую сторону не устроили слова о протекционизме, который разрушает мировую торговлю, то китайскую — о «несправедливых торговых практиках», которые якобы ведут к тому же результату.

Однако не стоит верить нарративу, который сформировали по этому поводу западные СМИ: мол пока торгово-экономические гиганты выясняют свои отношения, остальные страны стоят в стороне и ждут, чем все закончится. Тезис о равной ответственности США и Китая за будущее мировой торговли не выдерживает критики: последний выступает за укрепление центральной роли ВТО, ее норм и принципов, которые как раз постулируют борьбу с протекционизмом. А вот что такое «несправедливые торговые практики», обитателям Белого дома еще предстоит объяснить всем остальным.

Попытки администрации США в угоду американскому первенству сдержать экономическое развитие Китая, в частности, заблокировав путем торговых ограничений реализацию китайской стратегии «Сделано в Китае-2025», наверняка будут продолжены. Однако стоит обратить внимание на официальные китайские комментарии по поводу встречи в Буэнос-Айресе, в которых говорится, что «развитие китайско-американских отношений требует разумного урегулирования разногласий»⁴.

Не успели, однако, высохнуть чернила на комментариях тех, кто расценил встречу Дональда Трампа и Си Цзиньпина в Буэнос-Айресе как перемирие в торговой войне, как произошло то, что напоминает взятие заложников и открытие в ней «второго фронта». Задержание в Канаде под давлением США главного финансового директора китайского телекоммуникационного гиганта «Хуавэй» Мэн Ваньчжоу превратилось в полноценный международный скандал с далеко идущими последствиями.

Федеральные власти США потребовали от Канады экстрадиции Мэн Ваньчжоу и предъявили «Хуавэй» список из 23 обвинений, включая промышленный шпионаж, финансовое мошенничество, нарушение санкций, препятствование правосудию. Об этом заявил и.о. генпрокурора США Мэтью Уитэкер, отметив, что обвинения были выдвинуты в Нью-Йорке и Ситтле.

В ответ МИД Китая призвал США отозвать ордер на арест Мэн Ваньчжоу и «не следовать далее по этому ошибочному пути». Оговорки М. Уитэкера о том, что обвинения направлены не против Китая, а против конкретной компании, выглядели явно неубедительно. В заявлении представителя МИД КНР подчеркивалось, что Соединённые Штаты «используют государственную власть для очернения и нападок на конкретные китайские предприятия, препятствуя проведению ими законных операций», и «за этим стоит сильная политическая мотивация и манипуляции»⁵.

Другие страны, включая, прежде всего, Россию, уже сталкивались с этим не раз: вспомним дела Бута, Ярошенко, «русских хакеров», которых правдой и неправдой вывозили в США и отдавали в руки американской Фемиды.

Именно поэтому министр иностранных дел России С. Лавров, отметив, что Россия не участвует в американо-китайской торговой войне, сказал, что линия на экстерриториальное применение своих национальных законов «вызывает неприятие у подавляющего большинства нормальных стран и людей». «Это очень arrogantная, великодержавная политика, которую никто не принимает... Надо с этим заканчивать»⁶.

Дело, безусловно, в недовольстве американских властей деятельностью самой «Хуавэй». The Wall Street Journal сообщила о том, что Министерство юстиции США уже давно ведет расследование на предмет нарушения компанией американских санкций против Тегерана. Но речь не только о санкциях. Американская сторона обвинила «Хуавэй» (как прежде китайскую ZTE) в потенциальных угрозах безопасности телекоммуникационным сетям, которые якобы проистекают от попыток использования следящих устройств. США обратились к ближайшим союзникам (прежде всего к Канаде, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии, с которыми создали систему совместного сбора и использования разведывательных данных «Пять глаз») с требованием отказаться от включения в тендеры на госзакупки технологий 5G, разработанных «Хуавэй».

Есть основания полагать, что дело не в защите безопасности, а в элементарном стремлении обойти конкурента: «Хуавэй» стала общепризнанным лидером в разработке и применении технологии и оборудования связи 5G, за которыми будущее — «интернет вещей», «умные города», беспилотные автомобили и многое другое. Поскольку технология и оборудование поставляются вместе со стандартами их использования, то разворачивается подковерная борьба за вытеснение стандарта 5G, разработанного «Хуавэй», с мировых рынков.

Что касается призыва «Надо с этим заканчивать», вопрос в том — как? Формально экстрадиция в США задержанных происходит в рамках национального законодательства, но по американскому запросу (который часто сопровождается грубым и унижительным давлением со стороны американских властей, о чем принято умалчивать).

Есть еще многолетняя практика американского Конгресса вносить на свое усмотрение и в одностороннем порядке изменения в уже подписанные международные договора и соглашения при их ратификации. И это тоже в чистом виде проявление самонадеянности силы (*arrogance of power*).

Вопрос вполне может быть поднят в Совете Безопасности ООН, где его рассмотрение будет наверняка заблокировано представителем США. Но есть еще морально-этическая оценка действующей политической практики, с которой и начинается работа над соответствующими нормами международного права.

Если КНР, Россия и другие страны, у которых есть аналогичные претензии, внесут на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции «О недопустимости попыток экстерриториального использования норм национального законодательства стран — членов ООН», то такую резолюцию наверняка и с удовольствием поддержит подавляющее большинство представленных в ГА ООН стран, возможно, за исключением дюжины наиболее рьяных приверженцев политики Вашингтона...

Почему история с «Хуавэй» происходит именно сейчас, и не связано ли это с конкурентной борьбой за стандарты сетей связи 5G на мировом рынке? Huawei Technologies представила первый в мире чип, созданный специально для базовых станций 5G, который по своей производительности в 2,5 раза превосходит предыдущие. К тому же базовые станции 5G устанавливаются вдвое быстрее, чем аналогичные станции 4G. Huawei Technologies уже подписала 30 коммерческих договоров по технологиям 5G и поставила по всему миру свыше 25 тыс. базовых станций 5G.

Налицо явная попытка любыми способами остановить конкурента. В середине января 2019 г. стало известно, что в Соединённых Штатах намерены ограничить деятельность телекоммуникационных компаний Китая. Готовится исполнительный указ, предполагающий ограничения «по соображениям национальной безопасности» для тех компаний в телекоммуникационной сфере, которые имеют отношение к властям КНР и занимаются бизнесом в США.

И все это на фоне постоянных обвинений китайских компаний, включая «Хуавэй», в краже американских технологий и интеллектуальной собственности. Однако компания это мотивированно отрицает. В течение продолжительного времени она вкладыва-

ет силы и средства в фундаментальные науки и технологии. «Мы были первыми, кто смог добиться прорыва по ключевым технологиям для широкомасштабного коммерческого использования 5G», — говорится в заявлении компании⁷.

Откровенный шантаж и попытки использования внеэкономических методов неприемлемы для торговых переговоров. Происходящее означает, что китайской стороне предстоит набраться «стратегического терпения», чтобы довести торгово-экономические переговоры до конца и заключить сделку. Китай в ней заинтересован, чтобы торговые войны не отвлекали его от решения стратегических задач, связанных с ростом экономики и упрочением своих позиций в мировой торговле.

Думается, что в этом — ключ к пониманию того, как выглядят сейчас американо-китайские отношения и что ждет их впереди. Регулирование разногласий — в этом возможная и необходимая предпосылка оздоровления отношений двух мировых держав. Система разветвленного «стратегического диалога», которой так гордились стороны и в формирование которой они вложили столько времени и сил, при Дональде Трампе все чаще дает сбой и нуждается в перезагрузке. Это понимают в Пекине. Остается надеяться, что в Вашингтоне тоже.

Традиционные представления о том, что гигантский по объемам взаимный товарооборот и тесная торгово-экономическая взаимозависимость США и Китая служат своего рода страховкой от перерастания диалога в конфликт, не оправдываются. Однако если сторонам удастся отладить механизм управления разногласиями, добившись конкретной торговой «большой сделки», это оздоровит и американо-китайские отношения, и мировую экономику.

Пекин призывает своих американских партнеров помнить о диалектике соперничества и сотрудничества, о невмешательстве политики в экономику, о честной конкуренции и соблюдении правил игры. Китай последовательно строит свои отношения с окружающим миром, включая США, на основе принципа взаимной выгоды и взаимного уважения национальных интересов.

Помимо всего прочего, попытки Китая наладить с США равноправные уважительные отношения — часть усилий по созданию нового мирового порядка, основанного на многополярности. И Россия, развивая с Китаем отношения доверительного стратегического партнерства (не перерастающего в военно-политический альянс), играет в этих усилиях далеко не последнюю роль.

-
1. China and the World Trade Organization: Full text. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/06/28/content_281476201898696.htm.
 2. URL: <https://rg.ru/2019/01/17/mid-kr-kitaj-ne-sobiraetsia-stanovitsia-ssha-ili-zameniat-ih.html>.
 3. «Буэнос-Айресский план действий». 1 декабря 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5375>.
 4. URL: http://russian.news.cn/2018-12/03/c_137646572.htm.
 5. URL: <https://www.interfax.ru/world/648166>.
 6. «Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам 25-го заседания СМД ОБСЕ, Милан, 7 декабря 2018 года». URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3437709.
 7. URL: http://russian.news.cn/2019-01/25/c_137771930.htm.